

ОТЗЫВ

о диссертации Оксаны Михайловны Воевудской «Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки (Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – 450 с.).

В настоящее время, время открытий и научных достижений, охвативших весь мир и прочно вошедших в жизнь человека, новые явления жизнедеятельности человека находят свое отражение в языке, ибо индивиду необходимо членить мир, фиксировать окружающую его реальность, формировать языковую картину мира и создавать собственную реальность или реальность «второго» порядка для успешной самоидентификации в социальном окружении. В этой связи создание новых типов словарей наряду с разработками универсальных классификаций лексического фонда языка представляются важной и актуальной сторонами исследований современной лингвистики и, в частности, лексикографии.

В 21 веке в западноевропейской теории лексикографии становится преобладающей тенденция к созданию новых типов идеографических словарей, в которой та или иная разновидность словаря, тезауруса (от греч. «сокровище», т.е. справочника, в котором находят своё отражение смысловые связи между зафиксированными значениями) начинает замещать позиции толкового национального словаря. Особенно активно эта тенденция нашла своё проявление в тех языках, которые не имеют широкого разнообразия своих идеографических описаний. Характерно, что к их числу относится целый ряд некоторых германских языков, которые ещё в должной мере не получили своего лексикографического / идеографического описания.

В своём диссертационном исследовании, выполненном на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, Оксана Михайловна Воевудская предпринимает попытку решить данную проблему на материале 11 германских языков, в том числе и таких редких языков, таких как фризский, фарерский и язык африкаанс, предлагая концептуально новый подход к созданию основ идеографического словаря нового типа на базе английского, немецкого, африкаанса, нидерландского, идиша, фризского, датского, фарерского, шведского, исландского и норвежского языков. В первую очередь этим обстоятельством обуславливается чрезвычайная актуальность и теоретическая значимость рецензируемого исследования.

Научная новизна исследования представлена, главным образом, в теоретической разработке исходной основы для создания словарей нового типа и конкретной попытке их реализации по созданию конкретного прототипа нового идеографического словаря на базе перечисленных выше 11 германских языков. Используя индуктивный метод разработки синоптической схемы и непосредственно продвигаясь в исследовании от анализа лексиче-

ского материала к его категоризации, автор разработал и апробировал свои исходные теоретические посылы создать опытным путем словарь нового типа, а именно – идеографический словарь основного лексического фонда германских языков, который должен быть свободным от авторского субъективизма. Безусловно, в этом видится большой научный потенциал работы, ибо такой подход может быть использован в перспективе дальнейших исследований для создания других идеографических словарей родственных языков.

Практическая значимость проведенного исследования весьма значительна. Предлагаемый в работе тип словаря, при условии его создания, может быть использован как прототип для составления многоязычного идеографического словаря родственных языков, а методики, разработанные в диссертации по описанию и составлению основного лексического фонда германских языков, могут найти широкое применение не только в лексикографии того или иного конкретного языка, но и в прикладной лингвистике, в частности, при создании типовых автоматизированных словарей и поисковых систем, а также в лексикологическом пространстве германских языков. Результаты исследования могут широко применяться при разработке вузовских курсов лекций и семинарских занятий по дисциплинам, предназначенным для студентов, изучающих германские языки и реализующих учебные программы бакалавриата, магистратуры и поствузовского обучения в аспирантуре.

Достоверность полученных результатов отражена в 47 публикациях, из которых 19 представлены в рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

Выдвинутые О.М. Воевудской на защиту положения, в целом не вызывают возражений, однако стилистически некоторые из них больше напоминают готовые выводы диссертационной работы, чем теоретические посылы, которые требуют широкого дискуссионного обсуждения. Особо следует отметить объем исследуемого материала, что свидетельствует о кропотливом труде автора и его скрупулезном подходе к решению поставленных задач.

Структура работы продиктована целями и задачами исследования. Диссертация включает в себя 450 страниц печатного текста и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, списка электронных ресурсов Интернета, списка использованных словарей, 13 приложений, содержащих параметрические характеристики малых ядер германских языков (Приложения 1-11), и материалов для идеографического словаря основного лексического фонда германских языков (Приложение 12).

Во Введении обосновываются актуальность и научная новизна работы, теоретическая и практическая значимость результатов диссертации, определяются объект и предмет исследования, определяются цель и задачи работы, формулируются методы исследования, а так же положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Системность лексики и ее отражение в идеографических словарях разных типов» автор рассматривает различные точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов на проблемы системности лексики языка,

на использование количественных методов в лексикологии. Разграничиваются понятия тезауруса и идеографического словаря, описывается история появления данного типа словарей, и их репрезентированность в лексикографии германских языков.

В главе 2 «Количественный анализ лексики германских языков» автор поэтапно выполняет стратификацию лексического фонда германских языков, оперируя четырьмя значимыми параметрами - синтагматическим, парадигматическим, функциональным и эпидигматическим. Эти параметры автор использует при анализе лексики двуязычных словарей для одиннадцати современных германских языков: английского, немецкого, африкаанса, нидерландского, идиша, фризского, датского, фарерского, шведского, исландского и норвежского. Далее автор выделяет ядерную лексику и классифицирует её по «параметрическому весу», используя при этом индекс фразеологичности и многозначности, а также коэффициент совершенства орфографии, что при корректности использования могут выступать в качестве весьма полезного инструментария исследования для достижения частных лингвистических задач.

В главе 3 «Качественный анализ лексических ядер германских языков» автор группирует лексику по семантическим показателям в частнопараметрических и малых параметрических ядрах германских языков на основании общности значений, проводя анализ доминант семантических систем анализируемых языков. По результатам исследования в данной главе О.М. Воеводская заключает, что «вся верхушка парадигматически активной лексики оказалась представленной в парадигматических ядрах всех германских языков, что свидетельствует об общности взглядов носителей данных языков». Данный вывод вполне очевиден, логичен и не вызывает принципиальных возражений, ибо по большей части реалии нашей жизни отражены в языке, а, следовательно, и в ментальных пространствах носителей языков. Соответственно, языки, объединенные в одну языковую группу и имеющие распространение в большинстве своем на соседних территориях, будут иметь схожую доминантную лексику по семантическому признаку.

Глава 4 «Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков» посвящена описанию принципов построения синоптической схемы идеографического словаря основного лексического фонда германских языков. Примененный автором в работе индуктивный метод при разработке синописа словаря заслуживает особого внимания и одобрения, потому что он, безусловно, является более логичным и продуктивным при составлении идеографических словарей и отражает с наименьшими искажениями языковую картину мира.

Результаты исследования подробно отображены в выводах диссертационной работы. Диссертационное исследование О.М. Воеводской несомненно представляет научную и практическую ценность. Результаты могут быть широко использованы как в теоретической, так и практической лексикографии, лексикологии и в иных филологических изысканиях, например, в сопоставительном описании отмеченных германских языков.

Однако, как и любое фундаментальное исследование, диссертационная работа О.М. Воевудской не лишена недочётов и вызывает ряд общих и частных вопросов и замечаний, требующих обсуждения и дополнительного пояснения. *К числу общих замечаний* можно отнести следующие:

1. Автор исследования неоднократно оперирует лингвистическими терминами «понятие», «смысл», «значение», не раскрывая специфики их значения в работе, что порождает у читателя убежденность в полном синонимическом соответствии этих понятий в трактовке автора. В современной лингвистике и, в частности, лексикографии, известно, что крайне затруднительно говорить однозначно о понятиях, значениях и смыслах, не опираясь на исследования в области современной когнитивистики в целом и психолингвистики, в частности, ибо в этих областях научного знания за последние 25-30 лет проведены существенные исследования, послужившие базой для конкретного разграничения указанных терминов;

2. Так же из текста работы не совсем понятен подход автора к выбору классификации ядерной лексики, так как при рассмотрении классификации с позиции когнитивистики и, основываясь на принципах антропоцентризма и теории коммуникативного конструктивизма, диссертация могла бы внести бóльший научный вклад в область психолингвистических исследований, тем более, что сама О.М. Воевудская интерпретирует результаты своего исследования с позиции психолингвистики. Правда, при этом обнаруживается факт незначительного цитирования современных исследователей, работающих в данной области. Вероятно, по какой-то необъяснимой причине автор пожелал дистанцироваться от них;

3. Бесспорным фактом является заявление автора о том, что полевой метод исследования в лингвистике есть достижение 20 века. Однако при этом важно понимать, что мы живем уже в 21 веке и наиболее развивающимся и перспективным можно считать монадный принцип организации различных языковых явлений, в том числе и в области хранения языковых знаний, например, в виде фреймовых конфигураций как базисного сетевого хранилища информации в ментальном пространстве индивида. Любопытно было бы узнать, почему автор не воспользовался данным подходом?

4. Вызывает ощущение некоторой незавершенности в рассуждениях автора относительно основного принципа, положенного в основу всего исследования, а именно – использование правила Дж. К. Ципфа об обратной пропорциональности употребительности слов их длине при прочих равных условиях, что дает возможность спросить автора: Как справедливо рассчитать «прочие равные условия», если они равные для всех языков в словаре? В частности, такой фактор как «значение» сложно принимать во внимание без учета «языка в действии», т.е. без учета его потенциальной коммуникативно-прагматической составляющей? Хорошо известно, вспомним Людвига Витгенштейна и его утверждение: «значение есть употребление», иначе говоря, значение языковых единиц будет реализовано говорящим (носителем языка), как правило, лишь в процессе высказывания. Адресант, называя предмет, выделяет его из множества других, и тем самым характеризует свой

уровень познания действительности, в которую входит этот предмет, а при этом сама действительность может быть представлена в виде фреймовой структуры в когнитивной системе ментального пространства человека. Лексическое наполнение ментального пространства личности состоит из «лексикона концептов», сплетенных в некую «сеть», состоящую из узлов и связей, охватывающую относительно стабильные лексические концепты (см.: Роберт Солсо. Когнитивная психология. – М.: ТРивола, 1996, глава 7. «Семантическая организация памяти», а также гл. 10. «Язык и развитие познания»). Поэтому разве не видится необходимым делать упор на функционально - со-держательный аспект, на некий имманентный дуализм, ибо значение рождается в процессе высказывания, обретая иллокутивную силу и тем самым выделяясь из множества смыслов? А где как не в «языке в действии» лучше всего можно проследить эпидигматические характеристики, синтагматические и парадигматические связи, что не может не коррелировать с мотивировкой автора диссертации использовать выбранный в работе параметрический подход?

5. Основываясь на колоссальных расчетах эмпирического материала, автор делает вывод о том, что «среди самой короткой лексики приоритетными являются слова, называющие субъект, объект и связывающие их действия». Что бесспорно и хорошо известно, и, вероятно, уже не требует доказательства, так как является уже аксиомой, основанной на дуальном принципе взаимодействия с окружающим миром и принципе антропоцентризма. Человек воздействует на мир вещей и взаимодействует с ним, мир вещей воздействует на человека, закрепляя в его объективной реальности характеристики и свойства таких взаимодействий. Но при этом остается непонятным факт отсутствия примера в ядерной лексики германских языков такого важного для любого христианского народа понятия Бога? Неужели оно менее употребительно, чем, например, слова «глупый, шум, русло», и как это можно объяснить?

6. Также требует пояснения автора принцип отбора выбранных двуязычных словарей в качестве материала исследования. При ближайшем рассмотрении выясняется, что одна часть выбранных для исследования словарей была составлена носителями языка, а другая часть нет. Поэтому хотелось бы выяснить: почему именно такой выбор словарей осуществлен автором диссертации? В частности, для английского языка, например, был взят словарь Мюллера 1988 года выпуска. Не умоляя вклада этого автора, нельзя не констатировать факт существования и других словарей, например, более полного словаря И.Р. Гальперина, не говоря уже об англо-английских словарях, таких как Cambridge English Dictionary, British National Corpus и др. Кроме того, словари до 2000 года выпуска представляются для указанных целей исследования не в полной мере актуальными для целей исследования, так как они ещё не фиксируют лексический «взрыв» новейших изобретений человечества, ставших неотъемлемой частью нашей жизни, например: чип, блог, счет, сайт, троллинг и т.п., а также колоссального влияние английского языка на

них? Не могут ли повлиять эти факторы на достоверность и полноту результатов исследования?;

7. Принимая во внимания отсутствие таких важных параметров анализа как синтагматический и эпидигматический при анализе фарерского, фризского языков и идиша (стр. 277), можно ли тогда читателю предположить, что при отсутствии двух параметров из четырех, выводы по данным языкам, и как следствие – по исследованию в целом – не являются в полной мере достоверными?

8. В параграфе 2.1. словосочетание *reciprocating engine* (поршневой двигатель) анализируется как композитное языковое формирование. В этой связи возникает вопрос: почему тогда не вошло в эту группу словосочетание *combustion engine* (двигатель внутреннего сгорания), которое не рассматривается аналогичным образом? Автор поясняет это тем, что в анализируемом лексикографическом источнике подобные слова были выделены в отдельную словарную статью. Создается впечатление, что таким образом автор исследования хочет снять с себя ответственность за возможные неточности, хотя при этом сам автор работы утверждает, что в той или иной мере любому словарю присущ определенный субъективизм (стр. 277 и ранее). Так, может быть, было бы целесообразно обратиться еще к какому-то одному источнику?

9. В параграфе 3.5. «Квалитативный анализ лексики малых параметрических ядер германских языков» английские лексемы *kid*, *baby*, *child* не приведены в примерах в категории ребенок (без дифференциации по половому признаку), оставляя для читателя это решение автора без ответа. Может быть, автор укажет конкретную причину такого решения (стр.255), ибо, как известно, в английском языке категория рода редуцирована, хотя и трактуется учеными-языковедами по-разному, и, кстати, пример из английского языка по этому поводу был бы здесь уместен.

В довершении к сказанному приведем *несколько частных замечаний*:

10. О.М. Воевудская в своем исследовании отмечает, что «слухи – это слова, называющие заочно передаваемую негативную информацию». С этим трудно полностью согласиться, ибо в языковой практике существуют выражения «Слух о его повышении по работе» или «Идут слухи о её возможном замужестве», которые, очевидно, не связаны в эксплицитной форме с «негативной информацией»;

11. Требуется пояснения и некое противоречие в изложении автора на стр. 36: параметризация «определяется опытом и интуицией исследователя». Из данного утверждения автора следует, что параметризации присущ субъективизм, свойственный всем авторским словарям. Но, по заявлению автора, она как раз и стремится избежать такой субъективности, используя в своей работе именно параметрический анализ. Что же конкретно хотел сказать автор в своём утверждении?

12. Желательно также получить разъяснения автора диссертации относительно о когнитивной, идеологической и эмоционально-смысловой сущности языка. Разве в когнитивную сущность языка не входят смысловая и эмо-

циональная сущности? Или идеологическая не входит в когнитивную? А идеологическая сущность не подразумевает смысла и эмоций?

13. Представляется не вполне корректным разъяснение автора относительно частотности употребления английской лексемы play «играть, резвиться, забавляться» (стр. 231). В английском языке этот глагол имеет еще одно – и достаточно часто употребляемое – значение: «проигрывать, проживать». По какой причине выпало это значение из поля зрения исследователя?

Очевидно, что высказанные замечания и поставленные вопросы носят в большей степени уточняющий и дискуссионный характер, не затрагивают основополагающих положений диссертации и не снижают общего благоприятного впечатления от проведенного О.М. Воевудской исследования, которое выполнено на высоком научно-исследовательском уровне. На основании вышеизложенного можно заключить, что диссертационное исследование О.М. Воевудской «Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков» является научным трудом, в котором автор предложил решение ряда актуальных проблем лексикографии, в частности, проблемы системного описания типологических свойств ядерной лексики современных германских языков.

Являясь завершенным научным трудом, в котором автор по-новому решил поставленные задачи, диссертационная работа Оксаны Михайловны Воевудской «Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков» соответствует паспорту специальности 10.02.04 – германские языки и отвечает всем требованиям ВАК: пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», предъявляемых к докторским диссертациям. Основные результаты работы прошли надлежащую апробацию и отражены в 47 публикациях, в том числе в 1 монографии и 19 статьях в рецензируемых изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства образования РФ. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Автор диссертации «Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков» Воевудская Оксана Михайловна заслуживает присуждения ей ученой степени доктор филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры теории языка и межкультурной коммуникации
Тверского института прикладной лингвистики и
массовых коммуникаций ФГБОУ ВПО «Тверская
государственная сельскохозяйственная академия»

Л.А. Романова

170 904, г. Тверь, Сахарово

ул. Василевского, д.7; тел. (4822) 53-16-82

e-mail: larrar@yandex.ru

11.01.2016 г.

ЗАВЕРЯЮ
Ученый секретарь
Ученого совета
ФГБОУ ВО Тверская ГСХА
Володькина Г.

